

УДК 81'342.9+821.161.1

В.И. Бортников, А.В. Бортникова, А.И. Алексеевская**О РИТМАХ РЕВОЛЮЦИИ В ТЕКСТЕ НОМО SOVETICUS:
ОСМЫСЛЕНИЕ ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА В БЛОГЕ Б. АКУНИНА
«ЛЮБОВЬ К ИСТОРИИ» (СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)¹**

В первой из планируемых двух статей анализируются тексты блоговых записей Б. Акунина – современного писателя, известного в т. ч. благодаря разнообразным формам взаимодействия с читательской аудиторией. Одной из таких форм стал блог «Любовь к истории» (2010–2017), о «смерти» которого писатель сам заявил после 6,5 лет его ведения. Филологический интерес с позиций теории языковой личности представляют тексты, которые созданы «человеком советским» (*homo soveticus*), вследствие постсоветских деформаций превратившимся в *homo postsoveticus* и *homo antisoveticus*. Одним из ярких лексических показателей такой трансформации является слово *революция* и его производные. В свете приближающейся 100-летней годовщины революционных событий 1917 г. особое внимание уделено тем словоупотреблениям, которые связаны с *Октябрьской революцией*, и ритму их появлений соотносительно с упоминаниями всех прочих революций. Кроме того, намечены основные модели осмысления революции, демонстрирующие авторское нейтральное и/или отрицательное отношение к ней.

Ключевые слова: Б. Акунин, блог, революция, ритм, «человек советский» (*homo soveticus*), *homo postsoveticus*, языковая личность.

В отечественной истории едва ли найдется десяток событий, изменивших ее ход так, как Октябрьская революция, и при этом воспринятых обществом и культурой противоречиво. Проф. Н. А. Купина отмечает: «Социалистическая революция стимулировала образование особой социальной общности советских людей» [23. С. 28]. «Советский народ – не миф и не публицистическое клише, это действенная и по сей день реальность, предполагающая определенное состояние сознания и установку на языковое поведение личности» [24. С. 5]. Сформированный в результате установления диктатуры Советской власти тип личности получил название *homo soveticus*, причем одними источниками это обозначение отмечается как «ироническое» (например, соответствующая статья в «Википедии»), а в ряде других оно используется в качестве вполне научного термина, нередко даже выносимого в заглавие исследовательских трудов (см., например, [4; 12; 37 и др.]). В противоречивости оценки данного социального типа просматривается точка зрения «поколения, прошедшего "одвуконь"» [32. С. 87], т.е. находившегося по разные стороны советской границы.

В год столетия революции особый интерес приобретает наблюдение за *homo soveticus* – «советским человеком, <...> гомо советикусом, или, короче говоря, гомососом» [16. С. 4] – и его последующими трансформациями в постсоветскую эпоху (см. также [44]). Нелишним здесь будет упомянуть и термин *homo postsoveticus*, уже появившийся на просторах e-library и на 30.06.2017 фиксируемый в 21 публикации (для сравнения: *homo soveticus* – 517 публикаций). Отношение *homo soveticus* к Октябрьской революции и ее последствиям представляется возможным проследить, прежде всего, через саму лексику *революция* и ее дериваты.

Настоящая статья посвящена наблюдениям за языковой личностью Б. Акунина и, в частности, за отношением этой личности к революции. Материалом для изучения послужил блог «Любовь к истории» (URL: <http://borisakunin.livejournal.com>) как воплощение «функциональной диглоссии» [38. С. 43] языковой личности, т. е. способности последней рефлексировать в тексте (см. [47. С. 112-123]) через одновременно литературно-разговорную и книжную языковые разновидности. Сразу оговоримся, что высказываемое блогером borisakunin отношение к Октябрьской революции может не иметь никаких совпадений или же совпадать частично с отношением Бориса Акунина-писателя (он же Григорий Чхартишвили, псевдонимы А. Брусникин и А. Борисова [43. С. 199]) к данному событию. Как отмечает проф. Е. А. Подшивалова, яркий представитель литературоведческой школы Б. О. Кормана, «художественные концепции автора никогда полностью не совпадают с его публицистическими суждениями, представленными в статьях, а также с оценками, проявленными в дневниковых записях и письмах» [35. С. 154; см. также 34; 36]. Обилие литературных масок Акунина-Чхартишвили, многогранность его

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-21-07002-ОГОН «"Человек советский" в амбивалентной рецепции венгерской и русской гуманитаристики XX–XXI вв.».

игры с читательской аудиторией (см. об этом, например, [28; 39-41]) позволяют легко поставить под сомнение вообще идентичность блогера borisakunin и реального человека, не говоря уже о соответствии высказываемых в блоге мыслей лично писательским взглядам и убеждениям. Для удобства, однако, мы будем пользоваться номинацией «Б. Акунин», подразумевая под ней упомянутого блогера².

За всё время ведения блога Б. Акуниным (с 2010 по 2017 гг.) была опубликована 521 запись. Много это или мало? По мнению отдельных исследователей, «как блогер Б. Акунин <...> не столь активен <по сравнению с Акуниным-писателем – В.Б., А.Б., А.А.>» [19. С. 158-159], т. е. перед нами очередной «феномен творческой неудачи» [46. С. 1]. Другие акуниноведы отмечают, однако, что «писатель не придерживается принципа "ни дня без строчки" – обновляет записи примерно раз в 3–5 дней» [5. С. 33]. Конечно, при делении 521 на 6,5 лет (точнее, на 2342 дня – с 7.11.2010 по 5.04.2017) частотность создания записей кажется небольшой – примерно 1 запись в 4,5 дня. Однако уже на 15 марта 2013 г. Т. А. Снигирева и А. В. Снигирев отмечали: «...в журнале выложено 352 записи <...>. К постами оставлено не многим менее двухсот тысяч комментариев» [42. С. 199]. Из этого следует, во-первых, что самое большое количество публикаций было сделано автором в первые три года ведения блога, а во-вторых, что блог «Любовь к истории» получил свою аудиторию. Ср.: «Подписчиками блога являются люди от 20 до 40 лет, проживающие в России, Украине, Белоруссии, Казахстане, Прибалтике, Северной Америке, Германии и Израиле. Как они сами пишут о себе в разделе "Автопортрет благородного собрания", они – "госслужащие, работающие на дядю, двигающие науку, люди, которые учатся, учат, лечат и творят"» [5. С. 34].

По данным А. И. Алексеевской [1], условно все записи блога Б. Акунина можно отнести к нескольким ярко выраженным тематическим направлениям: «История» – 7 %; «Политика» – 16 %; «Личные записи» – 20 %; «Ответы на вопросы» – 7 %; «Презентация книг» – 10 %; «Развлекательные записи» – 10 %; «Смешанные записи» – 27 %; «Другие» – 3 %. К «Другим» относятся записи, не вошедшие в основные тематические группы, в этих записях писатель, как правило, проводит опросы читателей его блога на любые интересующие его темы и различные конкурсы. «Ответы на вопросы» вынесены в отдельную группу, поскольку они оформлены в виде интервью, тематика ответов задается тематикой вопросов, предлагаемых читателями (или СМИ). Деление записей на тематические группы условно, ибо в одной опубликованной записи может затрагиваться сразу несколько тем; в спорных случаях запись отнесена к той или иной теме на основании доминирующих тематических цепочек [1; 2; 3]. Распределение блоговых записей Б. Акунина по темам схематически приведено на диаграмме (рис. 1).

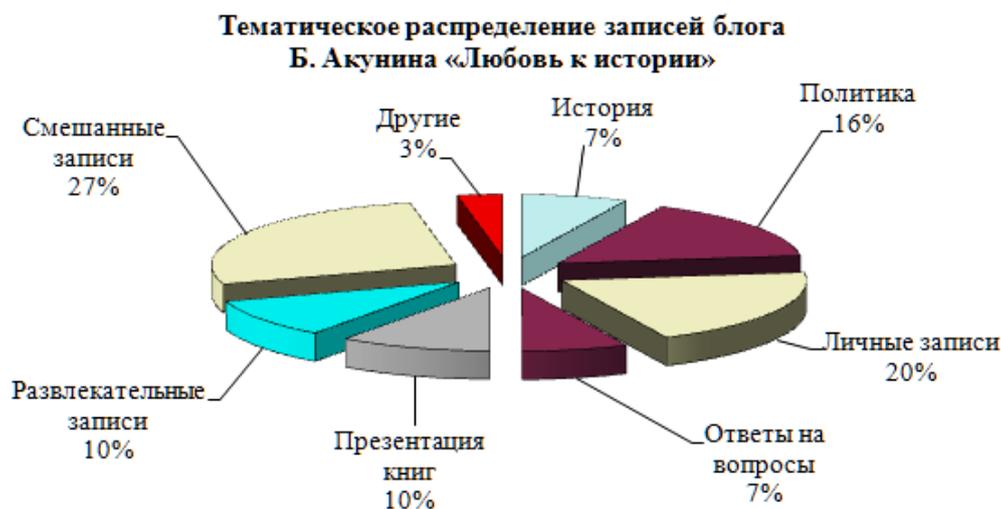

Рис. 1. Основные тематические направления блога Б. Акунина «Любовь к истории»

Тематическая специфика каждой отдельной записи определяет макроконтекст лексических единиц в ее составе, в частности, тех, которые несут корневую морфему *-революци-*. При помощи за-

² Современные исследователи текстов блога «Любовь к истории» пользуются как номинацией «Б. Акунин» [1; 2; 28; 42; 43], так и номинацией «блогер borisakunin» [6].

просов, сформулированных в поисковой системе Google как <революция site:borisakunin.livejournal.com>, <революции site:borisakunin.livejournal.com> и т. д. (все возможные падежные формы всех возможных производных), мы осуществили сплошную выборку словоупотреблений с корнем *-революци-* во всех текстах блога Б. Акунина. Далее были отобраны лексемы, референциально и (или) контекстуально соотносящиеся с Октябрьской революцией:

Таблица 1

**Частотность словоупотреблений с корнем *-революци-* в записях блога
Б. Акунина «Любовь к истории»**

Всего вхождений последовательности графем <i>-революци-</i>	183
в т. ч. относящихся к Октябрьской революции	59
в частности:	
<i>революция, -и, -ю, -ей</i>	33
<i>революционный, -ая, -ое, -ого, -ой, -ому, -ую, -ым, -ой, -ом</i>	9
<i>дореволюционный, -ая, -ое, -ого, -ой, -ому, -ую, -ым, -ой, -ом</i>	8
<i>революционер, -ы, -а, -ов, -у, -ам, -ом, -ами, -е, -ах</i>	5
<i>контрреволюционный, -ая, -ое, -ого, -ой, -ому, -ую, -ым, -ой, -ом</i>	4

Как видно из табл. 1, с *Октябрьской революцией* соотносится примерно треть ($59/183 = 32,24\%$) всех словоупотреблений с корнем *-революци-*. Остальные две трети связаны с революцией 1905 г., с Февральской революцией, с английской и французскими революциями. Есть при этом и контексты, где говорится не о конкретной революции, а о революции вообще: *Я против не только революции вообще, но и против так называемой мирной революции* («Год спустя», 09.12.12)³. Это отрицательное отношение следует признать доминирующим в подобных обобщенных контекстах: *Это очень тяжелая, травматичная штука, но всё же лучше, чем кровавая революция* («F.A.Q.», 12.08.12).

Распределяются упоминания *Октябрьской революции* в выборке неравномерно. Первое включение связано с записью «Наши – краше (окончание поста от 10 января)» (12.01.11), последнее – с записью «Другой Путь» (10.09.15). Таким образом, 2010 и 2016–2017 гг. оказываются заведомо исключены из выборки.

Но и в 2011–2015 гг. *Октябрьская революция* упоминается неравномерно. Следствие этой неравномерности – вероятное возникновение определенного, «коммуникативно многозначного» [30; 31] ритма, т. е. чередования упоминаний *Октябрьской революции* и других революций⁴. Приведем хронологически первые 5 контекстов, каждый из которых соотносится с данным событием:

На смену генерации железных революционеров пришли новые вице-вожди, старательно избравшие мерин, волов и боровов с не вызывающей сомнений пухлой внешностью и характерно несамцовской жировой прослойкой... («Наши – краше (окончание поста от 10 января)», 12.01.11).

В дореволюционной России рекордсмен по регалиям – М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский, светлейший князь и фельдмаршал («Главный военный герой», 26.01.11).

³ Ссылки на блог Б. Акунина «Любовь к истории» здесь и ниже приводятся в виде (Заглавие записи, дата ДД.ММ.ГГ опубликования) соответственно данным сайта: <http://borisakunin.livejournal.com> (дата обращения: 30.05.2017). Выделения курсивом и полужирным курсивом в извлечениях из блога наши. – В.Б., А.Б., А.А.

⁴ Ритм здесь понимается не как явление чисто фоники в узком смысле (ср., например, филологические работы именно с таким пониманием [18; 20; 27]), но – в расширительном смысле – как определенное, закономерное чередование повторяющихся речевых единиц любого уровня. Проф. Т. В. Матвеева отмечает: «Вся наша речь подчинена законам ритма. Ритмические <...> средства способны самостоятельно служить прагматическим целям говорящего, нести в себе психологические смыслы, передавать нюансы состояния коммуниканта и его отношения к собеседнику...» И далее: «Одним из основных способов ритмомелодического оформления замысла является варьирование объемов высказываний» [31. С. 503]. При таком подходе единицей измерения ритма оказывается не звук, как в работах по фоносемантике и смежных дисциплинах, и даже не слово, как в данной работе, а высказывание – речевое воплощение предложения.

Когда-то, в **дореволюционные** времена, схожие обыкновения существовали и в России, но мы давно избавились от этих глупостей («Странные японские начальники», 07.02.2011).

В советские времена этот эпизод **революционной** борьбы хоть изредка, да вспоминали (и то лишь до начала Большого Террора), а теперь совсем забыли, потому что **революционеры** вышли из моды («Российские герои: мой личный выбор», 22.02.11).

Любопытно столкновение антиподов: **вождей революции** с последним царем – гражданская война продолжается! («Вопрос недели: самый нелюбимый исторический персонаж», 25.02.11)

По этим контекстам едва ли можно однозначно определить отношение автора к революции. Железные революционеры, вожди революции – это, скорее, номинации, характеризующие людей революционной эпохи, но не саму революцию. Последняя выступает лишь своего рода рубежным событием – концом одной эпохи и началом другой. Такой механизм осмысления революции, оценочно нейтральный, мы назвали в ходе дальнейшего анализа «веха в истории».

Шестой из выявленных контекстов содержит еще два упоминания **Октябрьской революции**, а также одно вкрапление революции 1905 г.:

В **революционном** музее его работы, очевидно, выставлены потому, что Касаткин, ученик передвижников, всю жизнь писал рабочих, шахтеров и **революционеров**, а при советской власти – всяких пионеров-комсомолок, довольно мрачного вида.

И всё время кто-то валяется на земле убитый или же с энтузиазмом идет на смерть – как на картине «Последний путь шпиона», написанной во время **революции 1905 года** («Письмо позвало в дорогу (не-постскриптум к записи от 22 февраля)», 01.03.11).

Далее по хронологии следует еще один контекст с одним упоминанием **Октябрьской революции** и одним «революции вообще» («Почтовая сумка № 5», 04.03.11), после чего 5 контекстов подряд соотносятся с иными (не Октябрьской) революциями.

Таблица 2

Фрагмент таблицы выборки контекстов с лексемами, содержащими корень -революци-

Заглавие записи и дата ее опубликования	Контекст
<...>	<...>
«Почтовая сумка № 5» (04.03.2011)	Я с уважением отношусь и к Столыпину, и к Витте. Каждый из них, при всей диаметральной взглядов, мог бы спасти Россию от революции – если б они обладали всей полнотой власти или хотя бы безоговорочной поддержкой царя. Ошибка и преступление марксизма-ленинизма лишь в том, что вместо эволюции предписывалась революция .
«Итоги голосования и ответы на вопросы» (25.03.2011)	Если вернется Путин, то уже навсегда, у него больше не будет шанса «уйти по-хорошему». Тогда никаких реформ не ждите вплоть до самой революции .
«С любимыми не расслабляйтесь!» (26.04.2011)	В рубрике с незатейливым названием «From my own Apartment» (запись от 26 апреля 1710 года) Стил рассказывает один эпизод времен английской революции .
«Поэт-царь» (02.05.11)	Континент был покрыт свежими кладбищами, дымилась руины, сыпались короны, повсюду бурлили революции .
«Ответы на вопросы» (06.05.11)	Насколько я понимаю Эраста Петровича, он убежденный сторонник Ордера, прогресса и эволюции, то есть революция – высшее олицетворение Хаоса – для него неприемлема. Если Путин сейчас вновь на много-много лет усядется в президентское кресло, эта уродливая, неподконтрольная обществу вертикаль окончательно зацементируется, и тогда, боюсь, без революции ее не своротить.
<...>	<...>

Уже из приведенных статистических выкладок по первым 10–11 контекстам следует, что неравномерность упоминаний *Октябрьской революции* складывается в свертхтексте⁵ блога Б. Акунина в определенный ритм [9; 10]. Этот ритм можно проследить и как отношение соответствующих словоупотреблений к общему числу контекстов с корнем *-революци-*, и как соотношение упоминаний об *Октябрьской революции* с упоминаниями о других *революциях*. Первое отношение (59/183) уже было приведено выше; второе представляется возможным изобразить в виде графика, связывающего это соотношение с хронологией опубликования записей в блоге.

Для построения графика была вначале создана обычная таблица Microsoft Word, в которую была помещена сплошная выборка контекстов с лексемами, содержащими корень *-революци-* (фрагмент ее представлен в табл. 2; полный текст таблицы не позволяет привести формат статьи).

Далее, в соответствии с этой таблицей Microsoft Word, была построена уже таблица Microsoft Excel с теми же двумя столбцами, но представленными схематично: левый столбец – дата опубликования записи в формате МММ.ГГ (месяц, год); правый столбец – обозначение контекста как соотносящегося («1») либо не соотносящегося («0») с *Октябрьской революцией*. Если в одной записи имелись два разных словоупотребления, они рассматривались как разные контексты. На рис. 2 приведен фрагмент этой таблицы, где обведенные ячейки соответствуют фрагменту табл. 2:

	A	B	C
4	фев.11	1	
5	фев.11	1	
6	фев.11	1	
7	мар.11	1	
8	мар.11	1	
9	мар.11	0	
10	мар.11	1	
11	мар.11	0	
12	мар.11	0	
13	апр.11	0	
14	май.11	0	
15	май.11	0	
16	май.11	0	
17	май.11	1	
18	май.11	1	
19	май.11	1	

Рис. 2. Фрагмент таблицы Microsoft Excel, на основе которой строится график ритма упоминаний *Октябрьской революции* относительно других наименований революции

На основе полученной таблицы средствами Microsoft Excel и был построен требуемый график (рис. 3) (экспериментальный образец такого графика см. в статье [8]):

Наиболее очевидными на рис. 3 предстают горизонтальные участки графика. На уровне «1» это январь – март, июль – сентябрь (без августа) 2011 г., октябрь – ноябрь 2012 г., июль – август 2013 г., апрель – июнь (без мая) 2014 г. Из этого следует, что систематического упоминания только *Октябрьской революции* (без других революций) в блоге мы не наблюдаем, т. е. нельзя сказать, что *homo soveticus* Б. Акунина занимает только Октябрьская революция, и больше никакая другая. Скорее наоборот: горизонтальные участки графика на уровне «0» куда более продолжительны, они доминируют и количественно (12 против 5 на уровне «1»). Отсюда можно сделать вывод о том, что интересующая нас личность, мягко говоря, не «зациклена» на *Октябрьской революции*.

⁵ К свертхтекстам (термин Н. А. Купиной, предложенный в нач. 1990-х гг.), образуемым публицистическими текстами, исследователи обращаются на протяжении более 20 лет в связи с весьма разными объектами изучения – от региональных изданий до интернет-версий православных СМИ. См., в частности, [7; 11; 13-15; 17; 21; 22; 25; 26; 48] и мн. др.

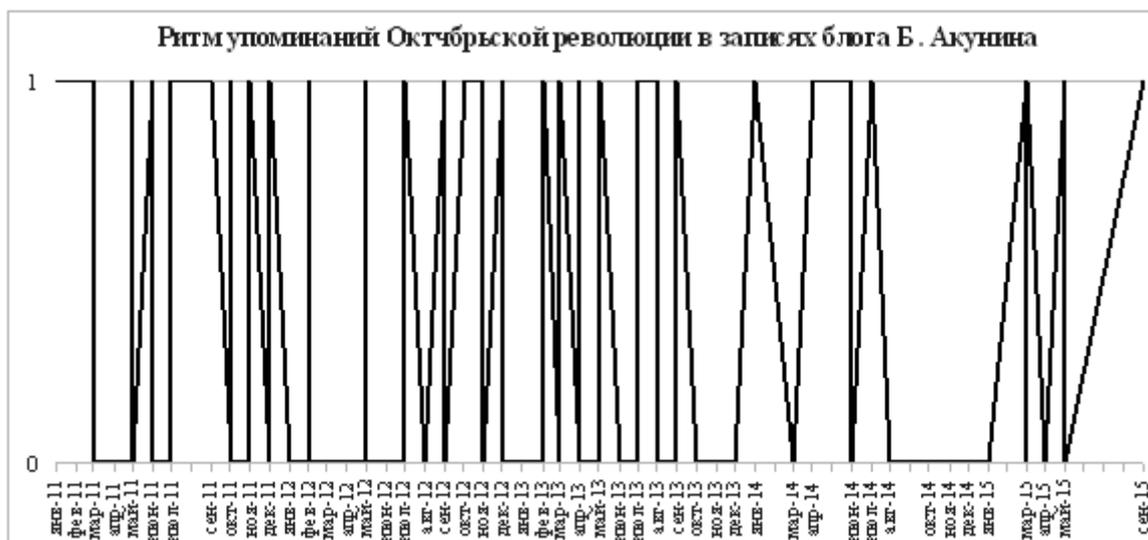

Рис. 3. Ритмический рисунок словоупотреблений с корнем *-революци-* в блоге Б. Акунина «Любовь к истории» (1 — относящиеся к Октябрьской революции, 0 — прочие революции)

Несколько сложнее интерпретировать ровные вертикальные линии на графике рис. 3. Они могут отражать:

– единичное упоминание Октябрьской революции на фоне ряда упоминаний других революций (например, июль 2011 г., февраль и май 2012 г.). При этом единичного упоминания о других революциях на фоне систематического упоминания об Октябрьской не встречается ни разу;

– переход от систематического упоминания Октябрьской революции к систематическому упоминанию других революций и наоборот (встречается только в начале графика: от «1» к «0» — март 2011, август 2013; от «0» к «1» — июль 2011 г., июль 2013 г.). Во всех этих случаях вертикальная линия соединяет два ровных горизонтальных участка на линиях «0» и «1»;

– наконец, вертикальная линия может маркировать переход от систематического упоминания Октябрьской революции («1») либо других революций («0») к чередованию упоминаний — диагональным линиям. Эти случаи наиболее часты на графике.

Отметим, что диагональные линии, отражающие именно чередование, т. е. беспорядочное упоминание тех или иных революций, встречаются в каждом году (2011–2015) примерно с равной частотностью: 2011 г. — 4, 2012 г. — 4, 2013 г. — 5, 2014 г. — 4, 2015 г. — 4. При этом распределение по месяцам в каждом году уникально: так, в 2011 г. это май — июнь, сентябрь — октябрь, ноябрь — декабрь, а также декабрь 2011 г. — январь 2012 г.; в 2013 г. это февраль — март, март — апрель, июнь — июль, сентябрь — октябрь, а также декабрь 2013 г. — январь 2014 г. Таким образом, говорить о приуроченности упоминаний к какой-либо дате (например, 25 октября или 7 ноября) не приходится. «Стыковых» диагональных линий (между годами) наблюдается только две, обе они уже были упомянуты: это декабрь 2011 г. — январь 2012 г. и декабрь 2013 г. — январь 2014 г. Обе они при подсчете числа линий относительно отдельных лет (см. выше) отнесены к заканчивающемуся (нечетному) году.

Кажущаяся бессистемность диагональных линий до известной степени компенсируется системностью участков, на которых они встречаются. Так, в первой половине графика (2011–2013) можно видеть 5 участков, на которых имеются диагональные линии и которые достаточно четко перемежаются горизонтально-вертикальными участками. Со второй половины 2013 г. чередование становится всё более широким, покрывающим промежутки сразу в несколько месяцев (а отдельные месяцы вообще остаются без записей либо без упоминаний о *революции*), что отражает в том числе более редкое обращение писателя к своему блогу.

Итак, *homo soveticus* отнюдь не «зациклен» на упоминаниях Октябрьской революции. Однако и в тех случаях, где она упоминается, автор-блогер отнюдь не демонстрирует положительного к ней отношения. Из отдельных записей Б. Акунина видно, что его отношение к Октябрьской революции в течение жизни менялось. В юности, которая приходилась на советское время, писатель, равно как и

все остальные советские люди, относился к революции позитивно. *Когда читал про романтического графа Шамборена в юности, думал: как всё это красиво. Хорошая все-таки вещь – революция* («Любовник революции (Возрастное)», 26.09.13). Однако в связи со сменой политического устройства в России, в связи с приобретенным жизненным опытом он переосмыслил свое отношение к революциям в целом и, в частности, к Октябрьской революции. *В нынешние же свои годы думаю: какая гадость эта ваша революция* («Любовник революции (Возрастное)», 26.09.13).

Представляется возможным выделить несколько моделей осмысления революции Б. Акуниным:

- революция как веха в истории;
- революция как хаос (беспорядок, разруха);
- революция как женщина;
- революция как идея-зло.

Уже из приведенного ряда видно, что каждая из этих моделей воплощает свой, особый уровень и вектор концептуализации революции – от событийного («веха в истории») до метафорического («женщина») и от конкретизирующего («беспорядок») до генерализирующего («хаос»), выходящего на общечеловеческие, морально-нравственные, идеологические установки («идея-зло»). В этой системе становятся возможны и пересечения, переплетения этих векторов осмысления революции: «событие», осмысляемое как «хаос» и/или оцениваемое как «зло»; «веха в истории», наделяемая женским лицом и тем самым становящаяся, по Д. И. Черашней, «образом образа» [47], и т. д. Однако в каждом случае оказывается возможным выделить всё же одну, конкретную, доминирующую модель.

Рассмотрим названные модели осмысления Октябрьской революции в текстах блогера bogisakunin подробнее.

I. Модель «**Революция как веха в истории**», казалось бы, должна демонстрировать нейтральное отношение писателя – отношение, объективируемое исторической действительностью: *Существует мнение, что Россия сегодняшняя и Россия дореволюционная – две разные страны и что нынешние россияне происходят не от обитателей канувшей в Лету империи, а от «новой исторической общности», советского народа* («Российские травмы (Опрос 1)», 09.07.14). В названии этой записи, однако, отражается отрицательный характеризующий предикат: *Октябрьская революция* причисляется к *российским травмам*. Отношение автора сопровождается отношением согласных с ним читателей: по «Итогам недельного обсуждения» (03.06.11) получена

Национальная доска позора:

1. Сталинские репрессии
2. **Октябрьская революция**
3. Распад СССР

Итак, *homo soveticus* идет в характеристике Октябрьской революции советским путем: «пригвозждает» ее к доске позора. Сам «человек советский» демонстрирует отрицательное отношение к собственным истокам – но делает это в своем духе, т. е. по-советски, так, как он привык. Получается, что он при этом и остается *homo soveticus*, и в то же время перестает им быть, трансформируясь в *homo postsoveticus*.

II. В модели «**Революция как хаос (беспорядок, разруха)**» отрицательная оценка задается самим объектом сравнения: *хаос* – ‘отсутствие порядка, полная путаница’ [45. С. 1060]. Ср.: *Насколько я понимаю Эраста Петровича, он убежденный сторонник Ордера, прогресса и эволюции, то есть революция – высшее олицетворение Хаоса – для него неприемлема* («Ответы на вопросы», 06.05.11); *Я, как и Эраст Петрович, считаю, что Хаос (читай: революция) – это плохо, а Порядок (читай: городской на перекрестке) – это хорошо* («Про российское вечное», 22.11.13). Любопытно, что в тех же «Ответы на вопросы» (06.05.11) встречается и еще одно словоупотребление: *Если Путин сейчас вновь на много-много лет усядется в президентское кресло, эта уродливая, неподконтрольная обществу вертикаль окончательно зацементируется, и тогда, боюсь, без революции ее не своротить*. Лексема *революция*, хотя уже не Октябрьская, появляется в окружении сниженных и отрицательных контекстуальных партнеров (*уродливая, своротить*), а отрицательной авторской энергетикой [29. С. 107] ее заряжает вводное слово *боюсь*⁶.

⁶ О роли вводных слов в блоговых текстах см., например, [9; 10].

Если первые две модели реализуются на уровне высказываний, то еще две модели («революция как женщина» и «революция как идея-зло») разворачиваются на уровне целого текста – это, соответственно, записи «Любовник революции (возрастное)» (26.09.13) и «Святые люди» (10.05.11). Подробный анализ данных моделей на общетекстовом уровне будет дан в следующей статье.

Подведем предварительные итоги. Как отмечают исследователи, «одной из главных особенностей русской культуры XX в. стало ее расслоение. Этот процесс начался после Октябрьской революции 1917 г. и продолжался в течение всего столетия. Появилась культура официальная и неофициальная, разрешенная и неразрешенная, создаваемая на территории советской России и за ее пределами» [33. С. 4; см. также 36]. Продолжая изживать это расслоение в XXI в., трансформируется и *homo soveticus* в своем отношении к Октябрьской революции. Образуется новый тип личности – сложное переплетение *homo postsoveticus* и *homo antisoveticus*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеевская А.И. Блог Б. Акунина: тематика, структура записей, способы взаимодействия с читателями // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2016. Т. 1. С. 117-123.
2. Алексеевская А.И., Бортников В.И. Прямая и косвенная самопрезентация писателя в блоге (на материале блоговых записей Б. Акунина) // Лингвистика: от теории к практике. Екатеринбург, 2016. С. 7-10.
3. Алексеевская А.И., Бортников В.И. Понятие «базовая номинация» при тематическом анализе текста // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2017. № 2. С. 40-44.
4. Арошидзе М. Общее культурное пространство в коллективной памяти *homo soveticus* // Textus. 2014. Т. 14. № 14 (14). С. 332-338.
5. Белова Е.А. Позиционирование Б. Акунина в Интернете // Печать и слово Санкт-Петербурга. СПб., 2015. С. 32-36.
6. Берсенёва А.А. Речевая манера блогера: стилистический аспект исследования // Актуальные вопросы филологической науки XXI века. Екатеринбург, 2013. С. 222-225.
7. Борисова И.Н., Купина Н.А., Матвеева Т.В. Основы стилистики, культуры речи и риторики. Екатеринбург, 1995.
8. Бортников В.И., Никольский Е.В. Изображение архангела Михаила в поэме Джона Мильтона «Потерянный Рай»: аспект хронотоп (по материалам русских переводов 1777 г. и 1976 г.) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2014. № 5-4. С. 76-86.
9. Бортников В.И., Бурова А.П. Вводные слова как ритмико-смысловый компонент записи театрального блога // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2017. № 2. С. 45-48.
10. Бортников В.И., Бурова А.П. Вводные слова в театральном блоге: ритмический, функционально-стилистический, прагматический потенциал // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2017. № 3. С. 25-26.
11. Бортникова А.В. Публицистика Д. Н. Мамина-Сибиряка // V Информационная школа молодого ученого. Екатеринбург, 2015. С. 150-157.
12. Букина Т.В. Музыкальное образование ребенка в формировании *homo soveticus*: педагогические модели 1920-х годов // Герценовские чтения. Начальное образование. 2012. Т. 3. № 3. С. 179-185.
13. Вепрева И.Т., Купина Н.А. Принципы отбора вербальных знаков ценностей в процессе аксиологического строительства в современной речевой практике // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. Т. 145. № 4. С. 238-244.
14. Вепрева И.Т., Купина Н.А. Языковая репрезентация ценностных предпочтений уральцев по данным местной прессы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2016. Т. 16. № 2. С. 125-129.
15. Голомидова М.В., Михайлова О.А. Коммуникативный русский язык. Учебное пособие для студентов негуманитарных факультетов. Екатеринбург, 1995.
16. Зиновьев А.А. Гомо советикус. Пара беллум. М., 1991.
17. Ицкович Т.В. Православные СМИ как свертхтекст (на материале газеты «Монастырское слово») // European Social Science Journal. 2014. № 7-2 (46). С. 382-385.
18. Кадочникова И.С. Музыкальная композиция книги Ю. Левитанского «Кинематограф» // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2009. № 5-3. С. 41-50.
19. Карулина О.С. Современные книги и авторы (Борис Акунин: литературовед, беллетрист, блогер) // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. Ярославль, 2013. С. 157-161.
20. Краснова Т.А. О строении ритма английской прозы // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2005. № 5-2. С. 21-25.
21. Купина Н.А., Михайлова О.А. Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация // Вопросы языкознания. 2004. № 3. С. 114-123.

22. *Купина Н.А., Михайлова О.А.* Основы стилистики и культуры речи: практикум для студентов-филологов. М., 2004.
23. *Купина Н.А.* Советский конформизм в зеркале языка // Политическая лингвистика. 2012. № 2. С. 27-32.
24. *Купина Н.А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург, 2015.
25. *Купина Н.А., Матвеева Т.В.* Стилистика современного русского языка. М., 2016.
26. *Купина Н.А.* От города-завода к современному передовому городу: стилистические приметы и ценностные ориентиры газеты «Вечерний Первоуральск» // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 150. № 2. С. 13-25.
27. *Лелис Е.И.* Фоноритмическая организация художественного текста как поле формирования подтекста // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2013. № 5-2. С. 94-100.
28. *Максимова Т.О.* Блог в творчестве Бориса Акунина // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2016. № 5. С. 197-206.
29. *Матвеева Т.В.* Энергетика текста // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2000. № 17. С. 107-112.
30. *Матвеева Т.В.* Риторический практикум журналиста. М., 2007.
31. *Матвеева Т.В.* К вопросу о коммуникативной многозначности ритмомелодических речевых единиц // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей. Екатеринбург, 2014. С. 503-506.
32. *Матвеева Ю.В.* Поколение, прошедшее «одвуконь»: литературное наследие Г. А. Андреева (Хомякова) в контексте творческих судеб «молодых» писателей первой волны русской эмиграции // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 157. № 18 (4). С. 87-102.
33. *Матвеева Ю.В.* Русская литература зарубежья: три волны эмиграции XX века. Екатеринбург, 2017.
34. *Подшивалова Е.А.* Революция и народная стихия. К изучению поэмы А. Блока «Двенадцать» на уроке литературы // Филологический класс. 2006. № 15. С. 51-55.
35. *Подшивалова Е.А.* Историко-философские размышления в творчестве А. Блока последних лет // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2008. № 5-3. С. 151-166.
36. *Подшивалова Е.А.* Лекции по русской литературе 1920-1930-х годов. Ч. 1. Ижевск, 2010.
37. *Рагозин С.А.* НОМО SOVETICUS в условиях трансформации современного российского общества // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. 2015. Т. 1. С. 226-240.
38. *Русский язык в многоречном социокультурном пространстве.* Екатеринбург, 2014.
39. *Снигирева Т.А., Подчиненов А.В., Снигирев А.В.* Специфика дискурсивных практик в проекте Б. Акунина «История российского государства» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2016. Т. 15. № 3. С. 162-171.
40. *Снигирева Т. А., Подчиненов А. В., Снигирев А. В.* Борис Акунин и его игровой мир. СПб., 2017.
41. *Снигирева Т. А., Подчиненов А. В., Снигирев А. В.* Этнонациональная проблематика в исполнении Б. Акунина (проект «История российского государства») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 1 (162). С. 80-85.
42. *Снигирева Т.А., Снигирев А.В.* Борис Акунин. «Любовь к истории»: между книгой и блогом // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. 2013. № 2. С. 198-206.
43. *Снигирева Т.А., Снигирев А.В.* Псевдонимное речетворчество Б. Акунина // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2014. № 1. С. 172-183.
44. *Советское прошлое и культура настоящего.* Екатеринбург, 2009.
45. *ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова.* М., 2011.
46. *Феномен творческой неудачи.* Екатеринбург, 2011.
47. *Черашняя Д.И.* К исследованию функций рефлексии в поэтике художественного текста // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2015. № 7. С. 112-123.
48. *Шалина И.В., Пикулева Ю. Б.* К проблеме описания методики лингвоаксиологического анализа (на материале диалогического общения носителей просторечной лингвокультуры) // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 121-132.

Поступила в редакцию 05.09.17

V.I. Bortnikov, A.V. Bortnikova, A.I. Alekseevskaya

ON THE RHYTHMS OF REVOLUTION IN THE TEXT OF HOMO SOVETICUS: UNDERSTANDING OCTOBER REVOLUTION IN B. AKUNIN'S BLOG «LOVE OF HISTORY» (ARTICLE 1)

The first of the two planned articles analyzes the texts of the blog posts by Boris Akunin – a today's writer, who is well-known thanks to various forms of his interaction with readers. One of such forms is his blog *Love of History* (2010–2017), which «died» (according to the author's words) after 6,5 years of its existence. The philological interest from the

point of the theory of linguistic identity is evoked by the texts created by *homo soveticus*, who was deformed in *homo postsoveticus* and *homo antisoveticus* because of post-Soviet changes. One of the brightest lexical markers of such transformation is the word revolution with its derivatives. As far as the 100th anniversary of the 1917 revolution in Russia is coming closer, a peculiar attention is paid to those cases which particularly denote the October revolution, and to the rhythm of their mentionings in proportion with the mentionings of other revolutions. Besides, the article sets the main models of understanding revolution, which demonstrate the author's neutral or negative attitude to it.

Keywords: В. Akunin, blog, revolution, rhythm, homo soveticus, homo postsoveticus, linguistic identity.

Бортников Владислав Игоревич,
Кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка, общего языкознания
и речевой коммуникации,
доцент кафедры иностранных языков и перевода
E-mail: octahedron31079@mail.ru

Бортникова Алена Валерьевна,
кандидат филологических наук, ассистент кафедры
русской и зарубежной литературы
E-mail: le_name@mail.ru

Алексеевская Александра Ивановна, студентка
E-mail: sasha.alexeevskaya@gmail.com

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51

Bortnikov V.I.,
Candidate of Philology, Associate Professor,
at Department of the Russian Language,
General Linguistics and Speech Communication,
Department of Foreign Languages and Translation
E-mail: octahedron31079@mail.ru

Bortnikova A.V.,
Candidate of Philology, Assistant at Department
of Russian and Foreign Literature
E-mail: le_name@mail.ru

Alekseevskaya A.I., student
E-mail: sasha.alexeevskaya@gmail.com

Ural Federal University named after the first
President of Russia Boris N. Yeltsin
prosp. Lenina, 51, Ekaterinburg, Russia, 620083